

409	283	СЕРГЕЙ МАКОВСКИЙ	"Закоченелые лады"
-----	-----	------------------	--------------------

"Закоченелые лады" (Коренблиг – Маковский)

1. Эхо	– 1.50
2. Вечернее	– 1.15
3. Украина	– 1.26
4. Я люблю	– 1.28
5. Ты любишь ли степи?	– 1.22
6. С первого взгляда	– 1.42
7. Будь	– 1.59
8. Люби меня	– 1.29
9. Может быть	– 1.47
10. Признания	– 1.23
11. Горе любви	– 2.16
12. Не тебя я любил	– 1.18
13. О, ты, которой нет	– 1.21
14. России нет	– 1.32
15. Судить не нам	– 1.18
16. Шарманка	– 1.37
17. Двойная душа	– 1.15
18. Закоченелые лады	– 1.19
19. Певица	– 1.27
20. Спешу, душа!	– 1.23
21. Сочельник	– 1.24
22. К старости	– 1.18
23. Орфей	– 2.16
24. Земля	– 1.21
25. Время	– 1.53
<i>Общее время звучания – 38.50</i>	

СОДЕРЖАНИЕ

1. Эхо

Душа, поведай мне, зачем
 стучится ночь в мое окно,
 и ветер плачет, и темно,
 и неразгаданный никем,
 небесный мрак так слеп и нем?
 Зачем...

Скажи мне, ночь, куда, куда
 в какие бездны вечной тьмы,
 которых здесь не знаем мы,
 скользят мгновенья и года
 и тонут, тонут навсегда?
 Куда...

Слепое небо! Отчего
 с самим собой наедине
 мне страшно слушать в тишине,
 когда не слышно ничего,

удары сердца моего?..

2. Вечернее

Сумрак нежный, словно нити,
струны пронизали.
Тихий час моей печали,
час наитий!

В нежном сумраке касаясь
струн неуловимых,
внемлю песнь миров незримых,
улыбаясь.

Звон далекий, звон забвений
внемлю, вспоминая.
Вечер! Арфа золотая
сновидений...

3. Украина

В розовом сумраке ивы плакучие
над пыльной дорогой стоят.
Шорохи вечера, струи певучие
неясно плывут и звенят.

Улица мазанок, тихо мечтающих
среди голубых тополей,
пруд, вереница крестьян проезжающих
и легкие ткани теней —

все выдается узорами нежными
в сиянии закатных лучей.
Издали кажутся хлопьями снежными
стада белокрылых гусей.

Поле раскинулось в ширь беспредельную.
Покоен туманистый свод.
Вечер украинский песнь колыбельную
душе восхищенной поет.

4. Я люблю

Я люблю, пока мечтаю,
я в мечтах любить умею.
Но, любя, я не желаю и не смею.

Я люблю, пока мне снится,
что нездешний сон люблю я.
Но любовь моя боится поцелуя.

Я люблю как люди любят —
всею мукой сладострастья.
Но мои объятия губят грёзу счастья.

Кто мне сердце отуманит,
кто любить меня принудит?
Все что манит, то обманет и не будет.

5. Ты любишь ли степи?

Ты любишь ли степи? В равнинах пустынных
внимала ль ты голосу песен старинных,
тоскующих песен любви?

Ты любишь ли степи? Бескрайние дали
когда-нибудь думам твоим навевали
бескрайние думы свои?

Да, любишь! Я знаю. Румянец твой знойный
и томная прелесть улыбки спокойной
овеяны лаской степной.

В тиши твоего затаенного взора —
и неги, и трепет степного простора,
вся музыка шири родной.

6. С первого взгляда

С первого взгляда, с первой же встречи
манят друг друга души родные,
в сумраке слышат речи немые,
тайные речи.

Чарам безмолвий слова не надо,
сердце без слова знает и любит,
пытка желаний медленно губит
с первого взгляда.

Пусть мы не верим тихому чуду,
тщетно пытаюсь верить забвенью.
Призрак желанный вещею тенью —
с нами повсюду;

знойное пламя властного яда
мысли сжигает больно и нежно.
Все — невозвратно, все — неизбежно
с первого взгляда.

7. Будь

Будь юной, дерзкою царицей,
завороженной красотой,
с тяжелой, сонною ресницей
и с властной наготой.

О, будь как ночь греха тревожна.
Мучений, ласки не жалея,
и дай мне все, что дать возможно
на празднике страстей.

Будь львицей хитрой и проворной...
Дитя коварства и огня!
Тебе любовью непокорной
не покорить меня.

Будь ясно-тихой и печальной,
как зори раннею весной,
с душой прозрачной, нежно-дальней,
как сумрак голубой.

Будь робким сказочным созданием,
стыдливой лилией полей.
Томи мечтательным признанием
нерадостных очей.

Покорной будь и будь призывной,
живи любя, люби во сне...
Покорности, о призрак дивный,
не надо мне!

8. Люби меня

О, будь без стыда. Как природа, как боги
бесстыдною будь.
Забудь в эту ночь все слова, все тревоги,
всю ложь позабудь.
Есть только любовь. Нет греха и порока.
Есть только любовь.

Люби меня властно, ревниво, жестоко.
Возьми мою кровь.
В горячем плену наших долгих лобзаний —
весь трепетный зной,
всю боль ненасытных, усталых желаний
узнаем с тобой.

Будь нежной рабой, будь безумной царицей
на ложе любви.
Приди в эту ночь вдохновенною жрицей
в объятья мои.

9. Может быть

В этом мире не случайно
ты меня нашла.
Нас одна связала тайна.
Нас судьба свела.

Нет, с тобою не впервые
мы забылись сном.
Мы от вечности родные.
Мы навек вдвоем.

Солнце дальнего рассвета
озарило нас.
Я с тобой встречался где-то,
может быть, не раз.

Счастье наше будет свято,
наша скорбь горда.
Я любил тебя когда-то.
Может быть, всегда.

10. Признания

Слышу я голос ласкающий,
в сумраке мне навевающий
тихие сказки любви.

Помню я проводы дальние,
речи и взоры прощальные,
тихие взоры твои.

Сердце мое одинокое
в сумраке чует далекое,
тихое счастье свое —

шепчет названье любимое,
имя навеки хранимое,
тихое имя твое.

1905

11. Горе любви

Что же, пускай разлюбила она.
Чашу любви не изведав до дна,
я говорю: все забудется вскоре —
горе любви, вдохновенное горе.

Ночь наступила. Ее тишина
грустью былых упований полна.
Звезды колеблются в темном просторе.
Горе любви, безответное горе...

На море — буря. Седая волна
бьется о берег дика и шумна.
Стонет, грозит возмущенное море.
Горе любви, неутешное горе.

12. Не тебя любил

Любуясь тобой, не тебя я любил.
Внимая твой голос и речи твои,
усталою думой я тайно грустил
о тайнах другой, недоступной любви.

Любуясь тобой, я был твой и не твой.
В твоей лучезарно-земной красоте

мне грезилась музыка неги не той,
мне снились забвенья и ласки не те.

Любуясь тобой, я тебе изменял.
Я призрак любил, я любил, не любя.
В объятьях твоих я Творца искушал.
Я лгал и молился, целуя тебя.

13. О, ты, которой нет

О, ты, которой нет
и не было на свете,
ты вечности ответ
на зов тысячелетий!

Кто ты над дольней тьмой
небес прообраз нежный,
владычица земной
надежды безнадежной?

Ты — чудо? или бред?
Один Господь рассудит.
О, ты, которой нет
и никогда не будет.

14. России нет

России нет. Россия разбрелась.
Как нищие, взяв на плечи котомки,
Её творцов бездомные потомки
Кочуют по свету. И смерд, и князь.

Нарушена тысячелетий связь.
Мы — беженцы, хоть речи наши громки.
Мы — по волнам плывущие обломки
Храмина той, что Родиной звалась.

О чем же спор? Кто океан принудит
Взбесившийся вернуться в берега?
Мы все — враги перед лицом врага.

Кто виноват? Кто прав? Господь рассудит.
Как ночь без звезд, судьба строга, долга.
Не мы решим. Она решит. Да будет!
1922 г

15. Судить не нам

Судить не нам, когда – как Божий суд –
решает брань судьбу народов грешных,
и демоны войны в набаты бьют
среди громов и воплей безутешных.

Как примирить Закон и эти тьмы
замученных неискупимой мукой?

И кто палач, кто жертва? Разве мы –
все круговой не связаны порукой?

В ответе каждый. Но за что ответ –
кровавый рок обид и распрей кровных?
Повинны все, невиноватых нет.
И нет виновных.

16. Шарманка

На темный перрон полустанка,
под утро — ни свет, ни заря,
плетется хромая шарманка,
поет, надрывается вся.

Хоть голос у немощной звонок
и в ней человечья душа,
никто из вагона спросонок
в окошко не бросит гроша.

От века закон одинаков
на всех перепутьях земли.
И старенький вальс не доплакав,
умолкнет шарманка вдали.

17. Двойная душа

Полжизни душно-плотской яви
и недостойной суеты;
полжизни – сон, и тот же ты
живешь, томясь в другой державе
в тоске, в слезах по горней славе
тайноречивой красоты.

В тебе душа как бы двойная:
мятежной гордости полна,
грешнее грешного одна;
другая – о, совсем другая! –
все шепчет что-то, засыпая.
Проснулась... и не помнит сна.

18. Закоченелые лады

Судьбы перехитрить не пробуя,
Смири свой дух — и плоть, и страсть.
Нет, человеческою злобою
Суровых будней не заклясть.

Заботой сердце перегружено.
Хоть любит, любит, а больно.
Гитара старая простужена,
Хрипит и кашляет смешно.

Но ржавых струн не перетягивай.
Пусть фальшь. Далек ль до беды?

Терпи и бережно потрагивай
Закоченелые лады.

19. Певица

В четверг под моё окно
приходит женщина петь.
Пусть ей-то уж всё равно,
да жуть на неё смотреть.

Во взоре не то вопрос,
не то, как ножом, печаль,
и грязная прядь волос
бахромкой седой — на шаль.

А песню поёт она
такую — хоть плачь навзрыд,
всю душу мою до дна
призывной тоской пронзит.

Любого греха страшней,
нельзя никому простить.
И хочется крикнуть ей:
Неправда, не может быть!

20. Спешу, душа!

Спешу, душа! Уж близок перелёт
в иную, призрачную землю.
О, птица вольная! За годом год
она слышней зовёт, зовёт —
а я всё тише внемлю.

О, птица певчая! Прилежней пой
о том, что было недопето.
Любовь и боль и смертный ужас твой
никто не допёт другой,
а важно только это...

21. Сочельник

В эту ночь, когда волхвы бредут пустыней
За звездой, и грезятся года
невозвратные — опять из дали синей
путь указывает мне звезда.

Что это? Мечты какие посетили
сердце в ночь под наше Рождество?
Тени юности? любовь? Россия? или —
привиденья сердца моего?

Тишиной себя баюкаю заветной,
помня все, все забываю я
в этом сне без сна, в печали беспредметной,
в этом бытии небытия.

22. К старости

Все слезы к старости да сны воспоминанья,
душа утихшая — как озера вода
в предсумеречный час, когда своё мерцанье
отдаст ей нехотя вечерняя звезда.

Померк усталый день, а всё — воды зеркальной
не гаснет глубина: в лазури озерной,
покинув небеса, клубится остров дальний
и озаряется последней тишиной.

23. Орфей

Из царства призраков, из сумраков бездонных,
аида тихого, вернулся он, могучий,
в долины Греции, как царь в венце созвучий,
в венце безгрешных дум, любовью озаренных.

Он пел. Его словам покорны были тучи,
и ветры грозные, и хоры волн бессонных.
Он пел, и соловьи в лесах завороженных
смолкали, услышав призыв его певучий.

Он пел одну любовь, он пел об Эвридике.
И мир внимал ему, как вещему владыке,
и всех минувших дней обманутые стоны,
всех будущих веков нежившие печали,
над лирой золотой витая, извлекали
из чутких струн ее тоскующие звоны.

24. Земля

Когда к земле вплотную прикоснусь
и всеми чувствами в неё поверю, —
себе каким ничтожным покажусь,
себя какою мерою измерю!

Земля, персть косная и жизни персть.
Покинули её давно уж боги,
и от небес единственная весть —
не сон ли человеческий о Боге?

Но если... если этот сон не ложь!
Тогда весь прах земной предстанет ложью,
и ты в себе безмерность познаёшь
и образ и подобье Божье.

25. Время

Все тленно, что живет, все минет без следа —
так мыслят мудрецы и плачут одиноко.
Напрасный, ложный бред! Что близко? Что далеко?
Сегодня иль вчера? Иль давние года?

Что время? Призрак, сон, возможность иногда
измерить памятью непостижимость рока.
Бытьевневременно. У жизни нет истока.
Бесследное для нас живет всегда, всегда.

Мгновенье вечное над безднами почило.
И все, что было, есть, и все, что будет, было.
Для чаяний земли грядущее не цель.

О, тайна тайн моих! В плену возникновений
ты, гордый разум мой, — могила-колыбель
в недвижной вечности струящихся мгновений.